

Владимир Соловьев

Буддийское настроение в поэзии

Многие из наших писателей уже находили в легендах буддизма мотивы и сюжеты для своих произведений; но настоящим представителем буддийского настроения должно признать такого поэта, который, по-видимому, вовсе не интересуется буддизмом и вообще строго охраняет свой русский стих от всяких чужеродных имен и терминов {1}.

Литературная значительность гр. А. А. Голенищева-Кутузова достаточно признана и публикою, — его стихотворения издаются в третий раз {2}, — и Академией наук, избравшей его в члены-корреспонденты и поручающей ему оценку поэтических сочинений, представляемых на Пушкинскую премию. Это признание вполне заслуженно: если не по возрасту, то по литературному типу гр. Кутузов может быть назван "остальным из стаи славной" {3} тех поэтов, которые явились вслед за Пушкиным и Лермонтовым; более чем у кого-либо в его стихе слышится какое-то пушкинское веяние; рамки трех главных его произведений ("Старые речи", "Дед простил" и "Рассвет") не выходят из пределов той "деревни, где скучал Евгений" {4}, а в первой из этих трех поэм к пушкинскому внушению нужно отнести и главный характер и развязку. Но при этой зависимости, о которой я упоминаю, конечно, не для упрека, между поэзией Пушкина и гр. Кутузова существует — не говоря о силе и размерах — ясное различие в настроении и тоне. У Пушкина тон бодрый, радостный и уверенный; при самых языческих, мирских и даже греховных сюжетах настроение его все-таки христианское, — это поэзия жизни и воскресения. У гр. Кутузова, напротив, тон мирный, настроение безнадежное, он поэт смерти и Нирваны, хотя это последнее столь ныне злоупотребляемое слово и не встречается в его стихах.

67

Гейне разделял умы на "эллинов" и "иудеев"; наш поэт не принадлежит ни к тем, ни к другим; он буддист, — разумеется, не в смысле каких-нибудь догматов и учений, а в смысле того душевного настроения, которое кристаллизовалось исторически в религии Шакьямуни {5}, но может существовать индивидуально, независимо от нее. Я имею в виду не порицание и не похвалу, а пока только определение. Я вывожу его из разбора трех названных поэм, на которых главным образом основано литературное значение нашего поэта. Помимо намерения, а может быть и помимо сознания автора, эти три лирические поэмы связаны между собою как последовательные ступени в развитии одного и того же настроения*.

II

Одиноким, во всем отчаявшийся преждевременный старик возвращается после многих лет странствования в свой деревенский обветшалый дом, где его узнает и приветствует только дряхлый пес. Все остальное ему чуждо, он окружен бледными призраками воспоминаний и мертвыми следами минувшего.

Он в них безмолвно, тихо бродит,

Как гость могил, среди крестов

И сердцу милых мертвецов

По ветхим подписям находит

И внемлет смертный их покой,

К гробам прикинув головой.

В толпе иных воспоминаний

Живей являлось одно.

Огнем несбывшихся желаний

Больнее душу жгло оно {6}.

Найдя старую тетрадь дневника, унылый шутник читает в ней краткую историю своей любви к жене приятеля и деревенского соседа. Эта история проста и обыкновенна.

Ведь замуж вышла ты и рано и случайно.

Попался "человек хороший", полюбил

Ему ты отдалась, хотя, быть может, тайно

И сознавалась в том, что чужд тебе он был.

Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии filosoff.org
Этот "хороший человек" оказывается таковым лишь в самом широком смысле. При совершенной умственной пустоте он так груб, что обнимает и целует жену при по

Внешний признак принадлежности этих пьес в лирической, а не в эпической поэзии состоит в безымянности действующих лиц. Только второй рассказ приближается несколько к эпическому строю, соответственно чему и два главные лица в нем обозначены хотя и не именами, а титулами.

68

стороннем, и в конце концов под влиянием вина увлекается азартной игрой и проигрывает в одну ночь все свое состояние, после чего его постигает удар паралича. Накануне этой катастрофы жена имела краткое любовное объяснение с героем и назначила ему свидание:

"Я завтра вечером останусь здесь одна

У мужа в городе какое-то есть дело.

Проходите прямо в сад – под липой у ручья

Мы с вами встретимся – там ждать вас буду я".

Но ждать пришлось не ей, а ему, и ждать до самой полночи.

Петух вдали пропел. С ручья вдруг потянуло

Холодной сыростью в тумане спящих вод

Ждать больше нечего – она уж не придет

И счастьем не бывать! – сомнение мне шепнуло.

Должно быть счастье то чужое, – не мое!

Я поднял голову – и увидел ее!

"Что ж не кидаетесь навстречу вы ко мне?

Я – видите – свое сдержала обещанье:

Я ваша я пришла на тайное свиданье,

В потемках крадучись, забыв и стыд и честь.

Да смейтесь, радуйтесь же! – добрую вам весть

С собой я принесла: он болен, умирает

Он в этот самый миг, быть может, призывает

Жену любимую. Да нет жены! Она

Ушла к любовнику – любимая жена!"

Так как растерявшийся герой хранит глубокое молчание, то героиня продолжает иронизировать и наконец раздражается рыданиями. Герой все-таки упорствует в безмолвии и наконец должен выслушать следующее объяснение:

"Вы видите ли, – так она мне говорила,

Пока он счастлив был, его я не любила.

Вы это поняли, вы это знали да,

Скрываться нечего, и тайны нет меж нами.

Мне душно было с ним – легко мне было с вами.

Меня манили вы украдкой. – Куда?

К блаженству ль, к гибели? – Я спрашивать боялась

Как птица в клетке я бессмысленно металась.

И – правду горькую примите не сердясь

От скуки завлекла и полюбила вас.

Тот муж теперь исчез Полуживой калека,

Беспомощный бедняк явился предо мной

И, глядя мне в глаза с покорною тоской,

Боясь не встретить в них желанное участие,

Молил последнее ему оставить счастье

(То, что он требовать бы мог!) – любовь мою

И жалко мне его – и я его люблю!

А к вам теперь пришла проститься. Виновата

Во всем случившемся, быть может, я одна.

69

И в наказание за то нести должна

Суровый, тяжкий крест! К былому нет возврата.

Забудьте же меня, как я забуду вас,

А мне о! мне давно пора расстаться с вами,

Пора идти к нему!.. Все кончено меж нами".

И, смолкнув, от земли не поднимая глаз,

Как будто торопя забвенье и разлуку,

Она холодную мне протянула руку.

Герой, которому следовало бы говорить несколько раньше, тут вдруг упускает прекрасный случай промолчать и хоть к самому концу соблюсти свое достоинство.

"Ужель возврата нет? – я горько прошептал,

Ужель за краткий час счастливого забвения

Должна разбиться жизнь? ужели нет прощенья?

Не верю! – вновь должны сойтись мы!.. Но когда?"

Она окинула меня печальным взглядом;

Не то с усмешкою, не то с немим укором
Тот взгляд ответил мне: "конечно, никогда!"

И молча я смотрел, как призрак удалялся,
Как в мраке скрылся он,- и я один остался.

Итак, дело кончается торжеством des ewig-weiblichen* - торжеством легким,
так как das zeitlich-Männliche** могло бы быть лучше представлено. История
эта есть, конечно, вариация на пушкинскую тему:

Но я другому отдана

И буду век ему верна {7},

вариация, однако, ослабленная. Пушкинская Татьяна отвергает Онегина,
которого любит, и остается верна мужу, которого никогда не любила и
которого не имеет причины жалеть, так как он здоров, самоуверен и
самодоволен. Следовательно, она поступает исключительно в силу
нравственного долга, случай редкий и интересный. Для героини гр. Кутузова
исполнение долга значительно облегчается двумя обстоятельствами: во-первых,
она, в сущности, не любит героя, она сама признается, что только от скуки
завлекла его, а во-вторых, она жалеет своего беспомощного мужа. Всякий
поймет, как трудно для сколько-нибудь тонкой женской натуры обманывать
полуживого, но все-таки сознающего и чувствующего калеку и, следовательно,
как легко ей остаться верной долгу при таких условиях. Отвлеченная идея
обязанности мало говорит женскому сознанию Вечной женственности (нем.).- Ред.
** Преходящей мужественности (нем.).- Ред.

70

нию - другое дело, когда она осязательно воплощается в лице беспомощного
жалкого существа, требующего любви и попечений. Если эта женщина от скуки
готова была полюбить другого, то теперь ей некогда скучать, ее жизнь
перестала быть пустою, у нее есть хотя скорбное и тяжелое, но зато ясное и
настоятельное дело. И однако, несмотря на то, что нравственный исход
коллизии так облегчен для нашей героини, все-таки не видно, чтоб этот исход
был ее собственным, безусловным и бесповоротным решением: является сильное
подозрение, что добродетельная развязка обусловлена неловкостью и
безответностью героя. Еще до катастрофы ясно, что этому человеку счастливым
любовником не бывать. Когда ему назначают тайное свидание, он говорит
merci.

Я руку взял ее - рука ее дрожала.

С блаженной радостью прижав ее к губам:

"Вы очастливили меня,- спасибо вам!"

Сказал ей тихо я. Она не отвечала.

Люди, не лишенные такта, в известных случаях воздерживаются от прямых
изъявлений благодарности. Дальше - еще хуже. Когда не нужно, он говорит, а
когда необходимо поддержать и ободрить бедную женщину, он молчит как рыба,
чтобы опять заговорить, когда уже все кончено. Вообще он не обнаруживает
ничего, кроме чистосердечия, а с таким прекрасным душевным качеством никак
не следовало бы забираться ночью в чужой сад. Что касается до героини, если
бы ее благое решение было принято сразу и окончательно после катастрофы с
мужем, из жалости к нему, то ей вовсе незачем было бы идти на тайное
свиданье. Для холодного объяснения достаточно было бы письма. Или она
боялась, чтобы герой, просидевши до утра над ручьем, не получил насморка?
Впрочем, как мы видели, он и сам оказался достаточно благоразумным и
собирался уходить домой еще при первых петухах. Мне кажется несомненным,
что решение было принято на месте свидания, вынужденное безнадежно
пассивным поведением героя. Она пришла в состояние крайне возбужденном,
полуистерическом и сама не знала, чем это кончится; но когда оказалось, что
герой так же мало способен на какие-нибудь поступки, как если бы и он был
поражен параличом, тогда в ней произошла спасительная реакция, и она
совершенно искренно объявляет свое решение расстаться с ним навсегда и
вернуться к исполнению долга. Но так как другого ей ничего и не оставалось,
то здесь нет места для нравственной коллизии, и читатель остается в не

71

известности относительно будущей судьбы героини: сохранит ли она свою
добродетель при возможной встрече с другим, менее простодушным,
поклонником?

Нужно, однако, заметить, что слабость характеров и неясность положения
закрываются здесь великолепными лирическими местами. Читатель забывает и
несостоятельность героя, и сомнительную доблесть героини, под впечатлением
таких, например, стихов:

Она умолкнула, и посреди молчанья

Ясней, понятней слов, слышались рыданья.

Я их не прерывал. Что мог сказать я ей?

Сама природа-мать ее слезам внимала,

И ночь-волшебница любовней и нежней

Свой голубой покров над нею простирала.

Смиряла бережно мятеж больной души

И ласковый привет шептала ей в тиши.

А месяц между тем всплывал все выше, выше,

Все необъятнее, все глубже был покой,

Неотразимей он овладевал душой,

И слезы все лились обильнее и тише.

Грозы стихал порыв, и грусти кроткий луч

Из-под густых ресниц, слезами отягченных,

В глазах, вновь для меня знакомых и смягченных,

Блеснул мне как лазурь сквозь убежавших туч.

За подобные стихи можно простить автору и недостатки содержания, и

некоторые странности вроде следующей. Выплакавшись вволю, героиня

обращается к своему безмолвному собеседнику, между прочим, с такими словами:

Вас – пришлого в дому, чужого человека

Я мужу предпочла! Я с вами заодно

Его обманывать тайком хотела

Непонятно, какой смысл имеет здесь указание на пришлого, чужого. Разве было

бы лучше, если бы она захотела иметь любовником своего родного отца, брата

или рожденного в дому служителя? Это напоминает известный анекдот о девице,

которая говорила: "Хорошо было тебе, матушка, за батюшку замуж идти, а

мне-то какво – за чужого!" Было бы более понятно и согласно с

обстоятельствами дела, если бы вместо того, чтобы упрекать себя за

предпочтение чужого, она упрекнула своего сообщника за то, что, будучи не

совсем чужим, а близким приятелем ее мужа, он решился его обманывать; но и

в таком случае не следовало бы видеть отягчающего обстоятельства в том, что

обман производился тайком, ибо "откровенный и прямодушный обман" еще менее

возможен, чем "родной любовник". Если бы

72

героиня говорила так несообразно в начале своей истерики, то можно было бы

подумать, что автор намеренно изобразил замешательство ее мыслей, но так

как она говорит это, уже успокоившись, то здесь очевидный недосмотр,

который необходимо будет исправить в следующем издании.

III

Повторяю, не только эти мелочи, но и более существенные недостатки

характеров и действия не имеют особенной важности в этой лирической поэме.

Главное здесь – не лица и не то, что с ними происходит, а настроение,

которое воплощается в живых образах рассказа и остается после его чтения.

Это настроение есть с начала до конца – безнадежность. Жизнь бессмысленна,

а счастье – мгновенная и обманчивая случайность. Герой раньше своей неудачи

уже не верит в возможность счастья – разве только в ту единственную минуту,

когда он стал неуместно благодарить за него. Он уже не верит на другой

день, когда "объят неведомой и странною тревогой, он шел не торопясь

пустынною дорогой и самая любовь, как ночь в красе своей, все становилась

бледней и холодней". А вот его заключение и мораль всего рассказа.

К чему мечтания, надежды лживый бред?!

Блажен, чье счастье судьбою позабыто.

Мое мелькнуло мне на миг и уж разбито!

Разбито почему? За что? – Ответа нет.

Но если бы оно и не было разбито несчастным случаем, то все-таки оно

оказалось бы несостоятельным. В чем герой (или автор за него) полагает цель

жизни, как он понимает ее смысл? Что мог и хотел он предложить бедной

женщине, неудовлетворенной житейскою пустотою?

Той целью жизнь была во что бы то ни стало,

жизнь, полная страстей, веселья и тревог,

С мечтами юности, с исканьем идеала,

Невиданных небес, неведомых дорог!

Она манила нас волшебной красотой

Туманов голубых, мерцаний и лучей

К той сказочной дали, любимой с детских дней,

Куда, летая, мысль уносится порою

На отдых от мирской, печальной темноты,

От скуки будничной, от зла и суеты.

Из всех этих прекрасных слов только три имеют некоторый определенный смысл,

именно: страсти, веселье и тре

73

воги. Но эти три реальные фактора счастья были вполне доступны и мужу

героини.

Доволен жизнью, он время проводил

И, кажется, равно от всей души любил

Тебя, и сельское хозяйство, и охоты,
Обеды жирные с гостями и вином,
И споры вечером за карточным столом.
Тут было, значит, место и страстям, и веселью, и тревогам, с присоединением
еще такого полезного и интересного занятия, как сельское хозяйство. А сверх
этого герой мог предложить своей возлюбленной лишь несколько "голубых
туманов", которые вообще никому не заказаны и которые легко совмещаются со
всею житейскою пошлостью. Если материальная жизнь бессмысленна, то она не
приобретает смысла от присоединения к ней идеалов в форме неопределенной
фантазии или праздного мечтания о невиданных небесах и неведомых дорогах.
Это не жизнь; а жизнь – в законном браке или в прелюбодеянии – все равно
сведется к тому, чем жил элементарный муж героини, и с тем же – рано или
поздно – концом. Заключение, значит, остается отрицательное, безнадежное.
Тем не менее, если бы наш поэт остановился на этом первом рассказе "Старые
речи", то я не решился бы обозначить его настроение как буддийское, даже в
самом широком смысле этого термина; впечатление здесь двоятся благодаря
заключительным словам героини, которые, хотя без достаточной
психологической мотивации, все-таки указывают на новый смысл жизни,
открываемый нравственным подвигом и самопожертвованием. Этот мотив, хотя и
неоригинальный, и невыдержанный, высказывается, однако, нашим поэтом с
неподдельным вдохновением.
Один – вновь для нее далекий и чужой;
Один – униженный, забытый, оскорбленный,
Поверженный во прах, коленопреклоненный
Пред новой, чистою могучей красотой!
К ней не дерзает страсть поднять с молением очи,
Уста не властны ей слова любви шептать;
Ее желать нельзя, но и забыть нет мочи,
Возможно лишь бежать, бежать, бежать!
Куда-нибудь скорей в чужое отдаленье
В надежде там найти желанное забвенье.
Эта новая красота, хотя автор называет ее могучей, оказывается, однако,
бессильной возродить своего поклонника к новой жизни; она оставляет ему
только бегство и забвение.

74

Как бы то ни было, сам поэт не принимает буддийской морали своего рассказа,
и господствующий в нем безнадежный тон он, в посвящении, пытается объяснить
случайными, личными причинами:
От одиночества, от скуки
Я повесть эту написал;
Но труд свершая одинокий,
Все о себе, мой друг далекий,
Я вспоминал и тосковал.

Казалось мне, что безвозвратно
Любовь и счастье скрылись вдаль!
Не оттого ль в строках тех внятно
Звучит сердечная печаль?
Не оттого ль веселья звуки
И радость жизни чужды им,
Что я слагал их в дни разлуки
Тоской глубокою томим?
Но воротись – улыбкой нежной
Мне душу снова озари,
Как светом утренним зари
Потемки ночи безнадежной
И сердце радостней, живей
Забьется, полное участья,
И – верю я – в груди моей
Еще найдутся песни счастья.
Нашлась только одна такая песня: это "Сказка ночи", следующая
непосредственно за "Старыми речами". Это есть радостный гимн любви,
единственный в поэзии гр. Кутузова, но и он оканчивается в минорном тоне.
Мне сказывала Ночь: "Вас в мире только двое!
Сияние зари, мерцанье звезд полных,
Равнины тихие и небо голубое
Весь этот мрак и блеск для вас – для вас одних.
Когда б друг друга вы не знали, не любили,
Когда бы чуждою тебе была она,
Ни эти небеса, ни звезды б не светили,
Простор, туман и даль к себе бы не манили,

Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии filosoff.org
и я сама, как смерть, была бы холодна". .

Так говорила Ночь, и выше все и жарче
Зарницы страстные пылали в облаках,
Теплее ветерок дышал в ночных потьмах,
А образ милый твой все чаще и все ярче
Улыбкой, как лучом небесным, озарен,
Мне в душу проникал, глядел мне прямо в очи,
И взглядом повторял он ту же сказку Ночи
Про счастье любви ужель то был лишь сон? {8}

75

Да, по крайней мере, для поэзии гр. Кутузова это оказалось лишь сном. У него, как у настоящего поэта, окончательный характер и смысл его произведений зависит не от личных случайностей и не от его собственных желаний, а от общего невольного воздействия на него объективной реальности с той ее стороны, к которой он, по натуре своей, особенно восприимчив. Вторая его поэма, "Дед простил", представляет значительное развитие и углубление той же самой буддийски настроенной мысли, которая в "Старых речах" выражена еще неясно и которую в "Посвящении" и в "Сказке ночи" он пытался отвергнуть, хотя лишь на мгновение и без полной уверенности.

IV

Не весел что-то старый князь:
Его тревожат злые думы;
Глубоко в кресло погружась,
Молчит он, мрачный и угрюмый.

Пред ним молоденькая дочь
Сидит и книгу вслух читает,
Огонь в камине догорает,
А на дворе метель и ночь {9}.

Этот старый князь, когда-то обманутый и брошенный своею женою, которая ему оставила единственную дочь, скрылся с этою дочерью в деревне.

Кончался день, вставала ночь,

Одна звезда ему светила:

Одна любовь его живила

Его дитя родное – дочь.

И вот ее хотели у него отнять; явился "человек чужой, веселый, дерзкий, молодой"; она его полюбила и просит о согласии отца. Старик с гневом отказывает:

"Нет, свадьбе этой не бывать,

Пока я жив!.. Уж гаснут силы;

Добресть хоть дайте до могилы

И в ней уснуть Не долго ждать".

Через три дня жених тайно увозит княжну. Отец, узнавши, пускается за ними в погоню при страшной метели; лошадь падает, он, обезумев, бежит пешком, бросает шубу, и на другой день его привозят домой обледенелого и умирающего. Между тем дочь успела обвенчаться; она пишет отцу и в ответ получает роковое известие:

76

Ужель разлуки краткий миг

Перенести не мог старик?!

Ведь дочь к нему бы воротилась,

Ведь все мгновенно б объяснилось,

лишь только б увидал он их

Счастливых, светлых, молодых!

лишь понял бы, что друг без друга

им невозможно было жить,

как невозможно птицам юга

не мчаться вдаль и гнезд не вить.

Но эта птичья философия оказывается несостоятельной. Дочь застаёт старика уже на столе, и с нею делается страшная перемена:

Прислушайтесь: то не рыданья

Печали жгучей – то стенанья

навек разбитой жизни – в них

ни слез, ни звуков нет живых!

давно ли полон был веселья

Влюбленный взгляд тех чудных глаз?

Теперь, как в мраке подземелья

Заглохший светоч, он погас.

Погас – и красота увяла,

и не играет в жилах кровь,

и жизнь поблекла, и любовь

для сердца непонятной стала!

На мужа юная жена
Глядит с враждебностью немою;
Отныне навсегда чужою
Ему останется она.
Для них уж нет уединенья!
Их трое, муж, жена и он!
Мертвец, не давший им прощенья,
Неумолим, непримирен
Стоит – и смотрит прямо в очи,
И дышит холодом на них
Они бегут того жилища,
Где им покоя больше нет;
Но мертвый с своего кладбища
Встает, несется им во след.
Они в шумящую столицу
На суету, в толпу людей,
Все дальше, дальше, за границу,
К брегам неведомых морей
Бегут; но призрак грозный мчится
За ними всюду по пятам.
Ни отдохнуть, ни позабыться
Мертвец им не дает и там.
И у несчастной нет уж силы
Бороться с выходцем могилы:
Он овладел ее душой,
Ее умом, ее мечтой.
Он – мертвый – победил живого,
Того обидчика чужого,
77
Того лихого пришлеца,
Что дочь похитил у отца.
И только в краткий миг забвенья
Жена на мужа взглянет вновь,
Ей призрак шепчет: нет прощенья!
И меркнет взгляд и стынет кровь.
Опять, опять воспоминанье:
Чу! – зимней вьюги слышен стон,
И лай ночной, и коней ржанье
И вопль, и похоронный звон!
У нее все-таки рождается сын, и ей приходит на мысль, что он должен
искупить ее вину и примирить ее с отцом. Печальная семья возвращается из-за
границы в деревню, ту самую, где жил и умер старый князь. Больная страдает
по-прежнему. Проходит несколько лет.
А мать несчастная все ждет,
Ждет, чтобы чудо совершилось,
Чтоб сердцу как-нибудь открылось.
Что ей мертвец вину простил,
Что внука дед благословил.
И создает она приметы:
Хотелось бы ей во всем,
Что совершается кругом,
Читать решенья и ответы.
Недуг ли тяжкий поразит
Кого-нибудь, и невозможно
Спасти ту жизнь – она тревожно
Молитву жаркую творит.
С боязнью страстной и тоскою
Повсюду кары ищет след
И мнит себя одну виною
Всех зол, и недугов, и бед.
Во время жестокой засухи, когда народ молился в церкви о даровании дождя, ей
вдруг показалось, что если небо исполнит эту молитву, то это будет знаком,
что отец простил. Она говорит это маленькому сыну, заставляет его молиться,
а сама идет в сад.
Поникнув робко головою,
В тиши заглохшею тропею
Идет и слушает она.
Засуха, зной во мгле туманной
Лик солнца красен, воздух спит;
Но, чу! – какой-то грохот странный
Недалеко в тиши звучит.

Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии filosoff.org
Скоро показывается грозная туча:

78

Идет - и небо тесно ей!
Она живет, растет и дышит,
И крылья мощные колышет,
И хмурый черный вал бровей.
То взглянет вдруг и заморгает,
Заговорит то вновь смолкает
В раздумье страстном - и грозна
Ее живая тишина.
Идет, надвинулась, сверкнула
Могучим взглядом; грянул гром,
И все смешалось кругом,
Все в тьме и буре потонуло.
Не потонуло лишь одно
Несчастной дочери моление,
К отцу доносится оно
Сквозь шум, и грохот, и смятение,
И жизнь страдальческую в дар
Приемлет Бог Все позабыто,
Все прощено, все пережито
Искуплен грех, и пал удар!
Перед страдальцей мгновенно
Разверзлась огненная твердь
Улыбка взгляд и вопль блаженной
Небесной радости, и - смерть!
За миг пред тем она стояла
В борьбе с последнею мечтой
Теперь, склонясь к земле сырой,
Она спокойная лежала.

Содержание этого рассказа - самого интересного из трех - напоминает что-то глубоко архаическое и таинственное. Человеческие жертвы предкам, мертвецы, дающие дождь и говорящие в грозе Но заключительный смысл ясен. "Последняя мечта", от которой должна отказаться страдающая человечность, это мечта о возможности примирения и счастья в жизни, хотя бы чрез посредство новых поколений: истинный исход только отрицательный - в прекращении жизни.

У

Счастье не только случайно, как было показано в "Старых речах", но непозволительно, незаконно по существу. Счастье детей вытесняет из жизни родителей - это есть роковой грех, непоправимая в жизни обида. Искупление, примирение - только в смерти. Это заключительное торжество смерти разрастается в третьей поэме в целый апофеоз {10}. Тут уже смерть является не только как единственное разрешение жизненных противоречий, но как единственное истинное благо и блаженство. Сюжет этой третьей поэмы

79

гораздо проще, чем во второй и даже в первой. Герой перебивает невесту у жениха. Тот его вызывает на дуэль и смертельно ранит. Умиравший прозревает истину бытия, которая открывается ему как смерть.

Я понял тишину! Я понял, чье дыханье
Мне в душу веяло прохладой неземной;
Чьей власти покорясь, утихнуло страданье,
Я угадал, что Смерть витала надо мной
Но не было в душе ни страха, ни печали,
И гостю грозную улыбкой встретил я
Мне представлялась во мгле туманной дали
Толпою призраков теперь вся жизнь моя.
К ней ничего назад меня уж не манило:
Страданья, радости, событий пестрых рой.
И счастье, и любовь - равно все чуждо было,
Бесследно все прошло, как ночи бред пустой,
Я Смерти видел взгляд. Великая отрада
Выла в спокойствии ее немного взгляда;
В нем чуялся душе несслыханный привет,
В нем брезжил на земле невиданный рассвет!
Казалось, дотоль я не имел понятия
Об утренней красе безоблачных небес;
Теперь весь дольний мир в рассвете том исчез
Я неба чувствовал бесстрастные объятья,
Я погружался в них, и становилось мне
Все беспечальнее, все легче в тишине.
Вблизи какой-то шум раздался непонятный,

Какие-то шаги и шепот еле внятный,
Мне было все равно: я видел пред собой
лишь Смерть с простертой на помощь мне рукой
Но вдруг коснулась меня рука иная,
Рука знакомая, дрожащая, живая
К нему пришла невеста, та, из-за которой он стрелялся с соперником. Она
шепчет ему нежные речи
Ее не слушал я.
Мне смерть таинственно и внятно говорила:
"Окончен жизни бред, недуг я исцелила".

Речь Смерти прерывается страстным шепотом:
"Взгляни же на меня промолви мне хоть слово"
Но, в равнодушное молчанье погружен,
я на призыв любви не отвечал, и снова
В тиши меня объял невозмутимый сон.
И в чудном этом сне вновь Смерть заговорила:
"Приди, избранник мой, тебя я полюбила:
Тебя мне стало жаль средь мира и людей,
В том мрачном омуте ошибок, лжи, проклятий,
Где краткая любовь и счастье быстрых дней
дается лишь ценой беды и скорби братии".

80

Пока Смерть такими словами поддерживала своего избранника в его бесстрастии
и равнодушии, бедная девушка стояла с поникшею головой
и горько плакала. Ни слез ее, ни муку
Постигнуть я не мог и, протянув к ней руку,
Рассеянно спросил: "О чем так плачешь ты?"
Лампады слабый луч мне осветил черты
Ее лица – и в них так жизни было много,
Такою странною и чуждою тревогой
В лицо мне веяло от этих светлых глаз,
что отвернулся я. Тогда в последний раз
С вопросом трепетным она ко мне нагнулась,
Взглянула мне в глаза и уст моих коснулась
Устами жаркими "Остаться иль уйти?"
Она шепнула мне сквозь слезы: "До свиданья!"
А я спокойное ей вымолвил "Прости!"
Этот апофеоз смерти можно было бы принять за прекрасный стихотворный
перифраз знаменитой сцены умирающего Андрея Болконского в "Войне и мире". И
там и здесь наступающая смерть и прозрение в Нирвану вызывает в умирающем
только полную апатию (бесстрастие) и равнодушие ко всему, даже к самому
дорогому в жизни; и тут и там является любимая женщина и не находит в
умирающем никакого участия. Но хотя гр. Кутузов не дал ни одной
существенной черты, которой не находилось бы у Толстого, было бы
несправедливо видеть здесь одно простое заимствование: заключение
"Рассвета" уже предопределено в предыдущей поэме "Дед простил", которая не
находится ни в какой зависимости от Толстого. Пространный апофеоз смерти в
третьей поэме есть только необходимое развитие краткого указания в конце
второй:

Улыбка вопль и взгляд блаженной
Небесной радости, – и смерть.

VI

"Рассвет" признается обыкновенно самым лучшим и важным произведением гр.
Кутузова. Хотя поэма "Дед простил" кажется мне сама по себе и оригинальнее,
и содержательнее, но я должен присоединиться к общему мнению в том смысле,
что только в "Рассвете" господствующее настроение автора вполне выяснилось
и получило свое окончательное выражение. Апофеоз смерти, которым
оканчивается и ради которого написана эта третья поэма, есть последнее
слово нашего

81

поэта; сказавши его, он – вот уже двенадцать лет – не мог сделать ничего
сколько-нибудь значительного (по содержанию).
С этим последним словом смысл лирической трилогии гр. Кутузова определен и
исчерпан. То, что было и смутно и поверхностно в первой поэме, углублено во
второй и окончательно выяснено в третьей. Счастье жизни случайно, говорят
нам "Старые речи"; не только случайно, но и греховно, дополняет "дед"; но
ни случайность, ни преступность счастья еще не отнимают у него свойства
быть желательным; эту последнюю неопределенность окончательно устраняет
"Рассвет", показывая, что счастье и сама жизнь не только случайны и
греховны, но что они не нужны, что смерть есть не только роковая

Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии filosoff.org
необходимость, но высшее благо и настоящее блаженство.
Гр. Кутузов, как настоящий поэт, а не мыслитель, конечно, не начал с того, что поставил такой общий тезис, чтобы потом доказывать его с помощью поэтических образов и картин. Господствующее в душе его настроение и мирозерцание постепенно выделялось или высвобождалось для него самого из тех видений и мечтаний, которые окружали его в минуты творчества (как он сам на это указывает в посвящении ко второй поэме). Но когда этот процесс совершился, то мысль поэта принимает форму сознательного утверждения или тезиса, что мы и находим в конце "Рассвета". Здесь уже не остается никакого сомнения в том, что мы имеем дело не с какою-нибудь случайною картиною, возникшею в воображении автора, а с выражением определенного настроения и взгляда на жизнь; и мы имеем право судить этот взгляд по существу, а не со стороны только достоинства художественной формы.
Взгляд автора, относящийся к жизни с решительным отрицанием, заключает в себе относительную истину. Это правда, что материальная жизнь с ее "страстями, весельем и тревогой" и случайна, и недостойна, и пуста; это правда, что прекращение такой жизни само по себе не есть зло, а скорей благо; это правда, наконец, что человек, который ввиду прекращения жизни впадает в созерцательную апатию, лучше человека, который и в предсмертный час все хотел бы терзать своих врагов или предаваться распутству. Но что же дальше? Неужели, кроме материальной жизни и ее прекращения, нет ничего на свете, ничего, что давало бы смысл существованию мира и человека? У нашего поэта никакого намека на этот смысл мы не находим. Он представляет нам поступки людей и их необходимые следствия,

82

и то и другое представляет, в сущности, верно. Несомненно, что отнимать чужую жену или невесту или для скорейшего удовлетворения своей эгоистической страсти бросать старого отца – поступки негодные и не ведут к добру. Хотя это уже предусмотрено Моисеевым десятисловием {11}, но такая почтенная старина этих истин не мешает им быть вечно новыми и нисколько не уменьшает заслугу гр. Кутузова, воплотившего их в конкретных образах и прекрасных стихах. Но буддийское настроение (не имеющее уже ничего общего с Моисеем) заставило нашего поэта остановиться на этой элементарной почве и относительную истину своего отрицательного взгляда принять и выдать за истину безусловную и окончательную. Из того, что дурные действия дурно кончатся, он выводит, что вообще никаких действий не должно быть. Это уже неправильно, – почти так же неправильно, как если бы из этого положения, что не нужно похищать чужих детей, кто-нибудь вывел, что необходимо бросать своих собственных.

Деяния, совершаемые лицами гр. Кутузова, принадлежат всецело к области дурной материальной жизни, а их следствия сводятся к прекращению этой жизни. Герой первой поэмы, вследствие неудачи своего незаконного романа, превращается в безнадежного "гостя могил"; героиня второй поэмы, чтобы искупить свой грех против отца, убивается молнией, а герой "Рассвета" немедленно после дуэли переходит в нирвану. Никакого другого смысла жизни, кроме факта ее прекращения, мы здесь не находим.

Взгляд этот, конечно, неутешителен, и им достаточно объясняется минорный тон, господствующий в поэзии гр. Кутузова. Но, конечно, поэт имеет право отречься от утешительных обманов и стать на сторону безнадежной истины. Остается только разобрать: истина ли это?

VII

Если бы у нашего поэта буддийское настроение и жизнепонимание было связано с тою сложною и тонкою системой метафизических и этических понятий, которую мы находим в историческом буддизме, то критика этого воззрения завела бы нас очень далеко. По буддийскому учению о спасении, переход из ложной и злой жизни в покой небытия есть дело большое и трудное: нужно сперва достигнуть полной чистоты, искупивши не только грехи данного своего существования, но и всех бесчисленных предыдущих существований, – до конца исполнить закон нравственных причин

83

и следствий (карма). Но наш поэт, разделяя общее отрицательное понятие буддизма о жизни, как зле и бедствии, и о вечном блаженстве, как прекращении жизни, свел почти на нет нравственные условия этого блаженства, играющие такую важную роль в подлинном буддизме. В герое "Рассвета" между его дуэлью и погружением в нирвану происходит лишь смена болезненных бредовых состояний, но никакого нравственного кризиса, – мы не видим у него никаких признаков раскаяния в зле прошлой жизни, никакой потребности в искуплении и очищении. Выходит, таким образом, что для достижения высшего блаженства достаточно получить кусочек свинца в грудь; ту же услугу могут, конечно, оказать и несколько проглоченных микробов, и несколько лишних капель опиума. Условие этого отрицательного духовно-физического процесса,

Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии filosoff.org
который автор "Рассвета" в таких превосходных стихах представляет как настоящий способ войти в вечное блаженство, на языке простых людей выражается кратко, но точно, в трех словах: умереть без покаяния – способ общедоступный, но едва ли верный. Впрочем, самое это блаженство, предвкушаемое героем поэмы, благодаря пуле его соперника, имеет, как мы видели, вполне отрицательный характер: оно состоит исключительно в бесчувствии и равнодушии ко всему. Это и прямо высказывается ("мне было все равно"; я "в равнодушное молчанье погружен" и т. п.), и еще лучше изображается в грубо-бессердечном обращении героя с любящей его и страдающей из-за него женщиной. Но представление такой бесчувственности как чего-то высшего, идеального, связанного с постижением истины и достижением блаженства, очевидно, не соответствует правде. Слишком много людей, и при жизни питающих полное равнодушие к своим ближним, но за это их никто не хвалит, и все, напротив, предпочитают людей противоположного характера, сердечных и участливых; не видно, почему такая оценка должна измениться в обратную по отношению к умирающим. Неужели наш поэт думает, что возвышение духа над грубыми страстями и мелкими интересами жизни непременно сопровождается потерей всех добрых человеческих чувств? Не говоря уже об абсолютном идеале Христа и об исключительных примерах святых, – и язычник Сократ, несомненно возвысившийся над слепым жизненным хотением и видевший в смерти желанное освобождение, или "выздоровление", нисколько не сделался от этого бесчувственным, а до конца принимал участие в своих друзьях и задушевно беседовал с ними о смысле жизни и о бессмертии человека.

84

Сам автор чувствует, по-видимому, что в его взгляде, сводящем к нулю и жизнь и смерть, есть что-то неладное, но, не желая от него отказаться, делает к нему наружную поправку. Он влагает в уста олицетворенной смерти, погрузившей своего избранника в полную апатию, следующее неожиданное заключение:

К иному счастью, раскрыв темницы дверь,
Освобожденного, тебя зову теперь
Под сень великого и вечного чертога
Для всех доступного, всех любящего бога.

Нисколько не удивительно, что смерть говорит о столь важном предмете такими вялыми, холодными – одним словом, мертвенными стихами: на то она и смерть; странно только, что герой поэмы, который вследствие своего болезненного состояния никого, кроме смерти, не слушает, на этот раз остается совершенно глух и к ее словам. Указание на "чертог всех любящего бога" не производит на него ни малейшего впечатления. Если б он поверил этим словам, он сделал бы какое-нибудь усилие, чтобы возбудить в себе самом хоть искру любви, хоть слабый отблеск божества; а он, напротив, как раз после этих слов окончательно утверждает в своем самодовольном бесчувствии, трижды отрекается от бога любви, трижды безжалостно отталкивает любящее существо, самоотверженно ему отдающееся. Сначала он рассеянно спрашивает: "О чем так плачешь ты?" – потом отворачивается и наконец решительно говорит: "уйди!" При чем же тут "чертог" и зачем автор заставил смерть понапрасну говорить эти хотя и слабые, но в существе справедливые слова о божественной смерти? Ведь не с чувственной любовью пришла к умирающему плачущая девушка, да и его собственная прежняя любовь к ней не была же только чувственной, иначе какой же бы он был герой и "избранник"! Но допуская даже, что по каким-нибудь неведомым причинам он не мог сохранить человеческих чувств к этой женщине, он должен был проявить такие чувства к кому-нибудь другому. Но мы видим только настоячивые указания на его полное бесчувствие и равнодушие ко всем и ко всему, безусловное отсутствие всяких признаков любви к кому бы то ни было, – странный способ готовиться к вступлению в чертог всех любящего бога. Очевидно, этот чертог здесь ни к селу ни к городу. Доведя в "Рассвете" свое буддийское настроение до ясного сознания, сказавши последнее слово своего отрицательного непонимания, наш автор сам испугался этого слова и сделал в заключение

85

маленькую вставку, прямо противоречащую всему остальному. Этот едва заметный диссонанс не мешает поэме "Рассвет" быть в нашей поэзии крайним воплощением взгляда, хотя ложного и несостоятельного, но имеющего определенное значение и с разных сторон и в разных формах овладевающего современным сознанием. И в этом отношении она заслуживает полного внимания, не говоря уже о прекрасном, большею частью, стихе и о таких мастерских картинках природы и жизни, как описание раннего утра в дороге или сцена дуэли.

VIII

Хотя гр. Кутузов нашел нужным, как мы видели, прикрыть буддийскую наготу

Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии filosoff.org
своего пессимизма истрепанным листком из христианского катехизиса, однако ни на какие дальнейшие злоупотребления в этом смысле он не решился, что делает большую честь его поэтической искренности. С другой стороны, после апофеоза бесчувствия и смерти как высшего откровения истины дальнейшее творчество в том же направлении логически и психологически невозможно для нашего поэта. Между тем его талант в отношении формы несколько не падает, а по-видимому способен еще к усовершенствованию; но к несчастью, содержание отсутствует, – сказать больше нечего.
Кроме нескольких мелких стихотворений, гр. Кутузов написал после "Рассвета" только одну небольшую лирическую поэму – "В тумане" {12}. По содержанию здесь не только нет ничего нового, но она представляет возвращение далеко назад, к мотиву первой большой поэмы нашего автора "Старые речи": иллюзия и крушение незаконной любви. Однако, несмотря на то, что сюжет здесь – только туманное отражение чего-то давно минувшего, пережитого, в этой пьесе (появившейся, впрочем, уже более десяти лет тому назад, через год после "Рассвета") чувствуется как будто более глубокий лиризм, более смелый порыв вдохновения, чем в других произведениях гр. Кутузова, а стих местами достигает редкой красоты. Приведу с некоторыми пропусками конец этой поэмы:

Мы жадно слушаем, объята чуткой тьмой,
Как струйка быстрых вод лепечет за кормой .
А месяц между тем встает над взморьем сонным.
Сверкая, движется без волн равнина вод.

86

Вдали – одетые туманом озаренным
Чуть видны берега; все тихо; ночь плывет
Прозрачным сумраком меж небом и водами;
А мы друг другу лишь внимаем и молчим
Словами бледными, ненужными словами
Немую песнь любви прервать мы не хотим.
Без звуков песнь слышна, без слов она понятна,
Ее ни заглушить нельзя, ни превозмочь.
Рожденная в душе, свободно, безвозвратно,
Она, крылатая, летит в немую ночь;
Скользит по глади вод под лунными лучами,
Объемлет дальний круг туманных берегов,
С земли несется ввысь, дрожит под небесами
И тонет в голубой отчизне звезд и снов.
И беззаботные над дремлющею бездной,
Забыв минувшие и будущие дни,
Уединенные в чертоге ночи звездной,
Мы дышим, мы живем, мы царствуем одни!
Но чу!.. как бы извне, из мира нам чужого
Какой-то странный шум, какой-то мерный стук,
Как поступь злой судьбы средь сумрака ночного,
Нарушив тишину, доносится нам вдруг.
То весел по воде тяжелые удары,
То плеск за нами вслед стремящейся ладьи
а в ладье, как и следовало ожидать, помещается воплощение жестокого рока –
"ревнивец старый":

Он видит – из глаза с враждой непримиримой
Нам пристально глядит, презрителен и нем.
С обычным ему художественным тактом наш поэт не описывает последовавшей между двумя лодками катастрофы, которая, очевидно, мало гармонировала с поэтической обстановкой, и прямо переходит к чудесному, в отношении стиха, заключению:

Я помню краткое, последнее свиданье,
Прерывистую речь, недвижный грустный взор;
В нем виделось любви прощальное мерцанье,
Развязки роковой покорное признание,
Безумству краткому конечный приговор!
Давно ль та ночь была? Давно ль та песнь звучала
Победной радостью? – но, горечи полно,
Раздумье бледное теперь нам отвечало:

– Давно!

Ужель всему конец? Ужель пред злою силой,
Слепой – как смерти мрак, случайной – как волна,
Должна смириться страсть? – сознание говорило:
– Должна!

И, как дитя, упав пред милой на колени,
Я плакал, я молил: бежим в далекий край!

Но взор ее твердил на все мольбы и пени:

– Прощай!

87

И мы расстались И долго, как в пустыне,
По свету, одинок, блуждал я Вешний сон
Безвременно померк, угас Зачем же ныне
Сквозь сумрак и туман мне вновь явился он?
Зачем в груди моей так больно и так сладко
Вдруг сердце сжалось, услышав песнь любви,
И с тайным трепетом я в тьме слежу украдкой
Неуловимый бег невидимой ладьи?

"Зачем?" – спрашивает наш поэт, и этим вопросом заканчивается все собрание его сочинений. Если "зачем" заменить "почему", то ответ, кажется нам, ясен. Потому, конечно, что в самой неудачной и нелепой любви все-таки больше смысла и правды, чем в самой удачной смерти и в самом великолепном бездушии.

IX

В начале того же, второго, тома сочинений гр. Кутузова помещены четыре произведения более раннего периода, содержание которых вполне гармонирует с унылым пессимистическим жизнепониманием, нашедшим свое окончательное выражение в "Рассвете". В рассказе "Гашиш" {13} изображается "туркестанец", который от "ужаса жизни" и от "противного сора противной земли" находит единственное убежище в галлюцинациях, производимых отравой:

Прощай но если бы удары
Судьбы жестокой на тебя
Обрушились и жизнь твоя
Нежданным горем омрачилась,
Припомни, что со мной случилось
Алла могуч – гашиша дым

Для счастья нищих создан им.

Но если полудиккий туркестанец от жизненной тоски не находит другого прибежища, кроме гашиша, то и образованному русскому, пожалуй, придется искать спасения в чем-нибудь подобном: так выходит, по крайней мере, если согласиться с изображением нашей жизни в отрывке "Скука" (1875 года):

И мрак, и сон – терпенья нет!

..

Под вечер, сладостно зевая,
Мы завтра ничего не ждем,
И скука – скука роковая
Одна над всем царит кругом!

88

Автор, который через семь лет напишет вполне серьезно апофеоз смерти, теперь дает полусерьезный, полуиронический апофеоз скуки. Должно заметить, что дар иронии и сатиры свойствен нашему поэту в очень слабой степени, и читатель готов видеть подлинное выражение его настроения в следующих стихах:

Всепобеждающая скука,
Ты стала общей госпожой!
Плач совести, сомнений мука
Давно покорены тобой.
В тебе одной вся правда ныне;
Ты – жизни цель и идеал (?)
Объемлешь, как самум в пустыне,
И топишь, как девятый вал!

..

Священным трепетом объята
Моя душа перед тобой
Я верный раб отныне твой.
Описавши царство скуки в столичной гостинной, поэт переносится мечтою в деревню, к мужикам. Но и там опять скука, хотя "иная":
Я слышал вьюги завыванье
Вокруг пустынных деревень,
Я видел томное мерцанье
Лучин сквозь ночи зимней тень;
Холмы и горы снеговые,
Мороз, метель и мрак кругом,
Да лица хмурые, худые
В убогих хатах пред огнем
Вот с тяжкою борясь дремотой,
Согнулась баба над работой.
Веретено ее жужжит,

Тоску-печаль наводит злую.
Мужик угрюмо чинит сбрую,
В качалке детище кричит.
Ползут часы труда и скуки
В молчанье мертвом, в дымной мгле,
Но вот и ужин на столе
Явился; трудовые руки
Взялись за ложки хлеб, вода,

Квас кислый – ужин хоть куда
И вновь безмолвье, треск лучины,
Докучный шум веретена,
Покой беспомощной кручины,
Стенанье ветра у окна,
Мороз и вьюга над полями,
Луна средь дымных облаков,
И на дворах за воротами
Унылый лай голодных псов

89

Я полагаю, что жизнь крестьян вообще достаточно бедственна сама по себе и что нет никакой надобности еще наводить на нее мрачную краску субъективного характера. Почему шум веретена вызывает непременно злую тоску? Почему мужики и бабы неуклонно пребывают в мертвом молчании? Относительно баб это вполне неправдоподобно, да и мужики, если не ошибаюсь, весьма часто нарушают безмолвие более или менее крепкими словами, свидетельствующими о некоторой бодрости духа. Лица у них также бывают всякие, а не одни только хмурые и угрюмые. Я думаю даже, что и собаки деревенские не всегда бывают голодными лают не всегда уныло, а иногда, напротив, с остервенением. Конеч отрывка с полною ясностью показывает, что причина такого преувеличенно-мрачного взгляда находится не в природе вещей, а в болезненно-желчном настроении автора. Когда светская хозяйка просит его написать ей в альбом что-нибудь смешное, он вдруг приходит в совершенно несогласное с обстоятельствами дела ожесточение:

И злобой тайной вдохновенный,
Альбом я в руки смело взял
И в нем красавице надменной
Желанья сердца написал:
"Скучай – ты создана для скуки;
Тебе иного дела нет.
Ломай и голову и руки (?)
Тебе на все один ответ.

..

Скучай! – С рожденья до могилы
Судьбою путь начертан твой:
По капле ты истратишь силы,
Потом умрешь и бог с тобой!"

За что же это, однако? Чем виновата эта бедная дама, если, как видно из всего предыдущего, поэт ни в ком и ни в чем, ни вне себя, ни в себе самом, не находит ничего, кроме скуки?

Насколько эта идея скуки не случайна, а укоренилась в настроении и сознании автора, видно из того, что с нее же начинается и следующая пьеса "Старики" {14}, написанная, однако, через два года после предыдущей.

Был долгий мир; мол было скучно;

Дремали мы в тоске немой,

Сквозь сон внимая равнодушно

Европы шум для нас чужой.

Быть может, если бы этот шум Европы, – поднимаемый ведь не из-за одних низших страстей и интересов, но также

90

и из-за высших принципов и идей, – не был для нас таким чужим, то и скучать нам было бы некогда; как бы то ни было, нашлось другое средство против скуки – война. Такое лекарство, однако, кажется нашему поэту хуже самой болезни, и на этот раз он, конечно, прав:

Но бранный призрак дик и страшен;

Вокруг него проклятья, стон.

Как хищник, кровью мерзких брашен

Упитан и обрызган он.

Автор хочет показать ужас войны, представляя его отражение в маленьком уголку мирной жизни. Сюжет рассказа – трагический конец современных Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны {15}: он, отставной военный, воспламеняется бранным пылом, идет на турка и погибает в сражении; она не

Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии filosoff.org
переносит этого горя и умирает под шум народных ликований по случаю взятия
Плевны {16}.

Выл вечер. Плошек красный свет
Сквозь дым пылал перед домами;
Народ по улицам толпами
Бродил всю ночь, и до утра
Гремели песни и "ура"!
Ура, ура! – и вдруг в полночи
Старуху пробудил тот крик;
Прислушалась, открыла очи
"Анисья", прошептал язык,
"Что там такое?" – "Плевну взяли",
Анисья сонная в ответ
Пробормотала. Станный свет
Мерцал пред окнами; звучали
Лихие песни, смех – и вот
Воскресло в голове сознание
Убит! раздалось стенание;
Ура! в ответ кричал народ.

Кроме этого прекрасного заключения, весь рассказ, при симпатичном замысле,
довольно слаб в художественном отношении.

Если в современной жизни поэт видит только или скуку, или ужас, то едва ли
найдет он что-нибудь хорошее в истории. Гр. Кутузов нашел в ней для своего
творчества только один сюжет – смерть Святополка Окаянного. Это интересная
попытка представить в художественной форме психологию преступника,
показать, как совершенное злодеяние объективируется, становится внешней
силой, которая толкает к новым преступлениям. Тем не менее мне кажется
непозволительным приписывать историческому лицу, хотя бы даже

91

окаянному, такие преступления, каких он не совершал, особенно же если их и
вовсе невозможно было совершить. Гр. Кутузов в своей драматической сцене
заставляет Святополка убивать схимонаха Варфоломея, причем выводится также
старец Иринарх, строитель скита пустынножителей. Все это принадлежит,
очевидно, к монашеству греко-восточному. Между тем действие происходит в
1019 г. в пограничной местности между Польшей и Богемией, т. е. в Силезии
или в Моравии, а в этих странах восточное монашество, если бы и успело
появиться со всеми своими особенностями в краткое время епископства св.
Мефодия (в IX-м веке), то во всяком случае к началу XI века давным-давно
исчезло {17}.

Это, конечно, мелочь. Любопытно не то, что автор произвольно и неудачно
усугубил окаянство своего героя, а то, что он во всей истории
заинтересовался только одним этим окаянным. Такой выбор мрачного злодея в
качестве единственного исторического сюжета кажется мне не случайным: он
находится в связи – вероятно, невольной и несознанной – с господствующим
миросозерцанием нашего поэта и с его взглядом на историю. Признавая жизнь
бессмыслицей, он в историческом движении человечества видит не только
"чужой шум", "лести звук пустой" и "праздных слов игру", но даже какое-то
злодеяние. Основной мотив исторического прогресса есть покорение дикой
природы человеческим духом. Но именно это кажется поэту чем-то греховным,
заслуживающим кары и получающим ее. Такая идея, согласная с общим
пессимизмом гр. Кутузова, вдохновила его поэтическую сказку "Лес",
содержание которой он нашел в прозе А. Додэ, но взял по праву как свое и
претворил в прекрасные стихи {18}.

Есть берег чудесный – морская волна,
К нему подбегая, смолкает;
Там силы дремучей и тени полна,
Кругом вековая царит тишина,
Там лес-богатырь почивает.
Он дремлет, и грезит, и шепчет сквозь сон.
Волшебен и странен тот шепот,
Как темная молвь стародавних времен,
Как дального веча торжественный звон,
Как моря безбрежного ропот.

В это дремучее царство дикой природы пришли люди, после упорной борьбы с
лесом одолели его, выжгли себе место и построили город.

92

То было уж поздней осенней порой,
И лес их оставил в покое.
Гордились люди победой такой
И славили мудрость свою но весной
Вновь горе постигло их злое.

Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии filosoff.org
лес ожил, набрался дикой силы и задавил человеческую культуру.

И скоро не стало дворцов, площадей,
Проездов и улиц широких.
Все скрылось во мраке мохнатых ветвей,
Лишь крики, проклятья и стоны людей
Носились в дебрях глубоких!
Все реже и глуше звучали они,
Деревья сплетались все гуще;
В вершинах, как в добрые старые дни,
Пернатые хором запели в тени,
А лес разрастался все пуще!
Свершилось! – В живых ни единой души
На месте борьбы не осталось,
И вновь все заснуло средь мертвой тиши;
Людей появление в чудесной глуши
Как сон мимолетный промчалось!
И ныне, как прежде, морская волна
Близ тех берегов умолкает,
Где, силы дремучей и тени полна,
Кругом вековая царит тишина,
Где лес-богатырь почивает.

Сочувствие поэта диким силам природы, беспощадно истребляющим не только дела человеческие, но и самих людей, – довольно характерно. Пускай это сказка; но ведь было действительно время, когда не только тот неведомый берег, но и весь земной шар был покрыт сплошными дремучими лесами. Для появления и развития человеческой жизни необходимо было восстание и борьба против этого дикого царства, т. е. преступление de lese – nature* – с точки зрения нашего поэта, который, чтоб быть последовательным, должен желать и этому всемирно-историческому преступлению такой же кары и такого же конца, какие описаны в его сказке.

X

Склонный субъективно к отрицательному буддийскому взгляду на мир и жизнь, поэт, естественно, и в предметах своего творчества находит и представляет только подтвер

Оскорбление природы (фр.). – Ред.

93

ждение этого взгляда. Все существующее действует на него особенно своею отрицательною стороною. Жизнь есть бессмысленная тоска, от которой чуждая нам Европа находит развлечение в ненужном шуме так называемых вопросов, а более близкая Азия – в гашише; в самой России царит ничем neodолимая, лишь мгновенно прерываемая ужасами войны скука – скука сытая в столичном обществе, скука голодная – у деревенского люда; такова современность; – поэт с отвращением отводит от нее взор, устремляет его в глубь времен и усматривает там Святополка Окаянного. Положение поистине безвыходное, напоминающее старинную прибаутку: в воде черти, в земле черви, во бору сучки, на Москве крючки.

Как хорошо, что художественное творчество, даже у поэтов не чуждых размышления, как гр. Кутузов, не определяется, однако, всецело общим складом их мысли или их основным настроением, – как хорошо, что поэты не последовательны. Если бы гр. Кутузов был всегда и во всем верен своему буддийскому взгляду, то его стихи служили бы только к наглядному доведению до абсурда известного ложного непонимания. К счастью, он, по крайней мере в молодые годы, писал нередко в силу непосредственного вдохновения элементарными жизненными мотивами и впечатлениями, откуда вышло много прекрасных лирических и описательных мест в его поэме и несколько отдельных стихотворений несомненного достоинства.

Основные мотивы чистой лирики – любовь и природа. В этой области современному русскому поэту приходится соперничать с Тютчевым и Фетом. Но не останавливаясь на таких предвещающих сравнениях, мы можем отметить у гр. Кутузова несколько очень милых стихотворений, более или менее оригинально варьирующих две вековые лирические темы {19}. Вот, например:

Прошумели весенние воды,
Загремели веселые грозы,
В одеяньях воскресшей природы
Расцвели гиацинты и розы.
Пронеслись от далеких поморий
Перелетные певчие птицы;
В небесах светлоокие зори
Во всю ночь не смыкают зеницы.
Но и в бледной тиши их сияний
Внятен жизни таинственный лепет,

Вняты звуки незримых лобзаний
И любви торжествующий трепет.

94

Две заключительные строфы я пропускаю, что мог бы с успехом сделать и сам автор. Вообще в лирическом стихотворении если есть возможность остановиться на третьей строфе, то непременно нужно этим пользоваться, как это и сделал наш поэт, например, в стихотворении "Снилось мне утро лазурное, чистое". Я думаю, что и лучшее стихотворение гр. Кутузова в этом роде: "Не смолкай, говори" только выиграло бы, если бы из пяти строф оставить следующие три:
Не смолкай, говори в ласке речи твоей,
В беззаветном веселье свиданья,
Принесла мне с собою ты свежесть полей
И цветов благовонных лобзанья.

Ни движенья, ни звука вокруг, ни души!
Беспредметная даль пред очами,
Мы с тобою вдвоем в полутьме и тиши,
Под лазурью, луной и звездами.

В беспредельном молчанье теней и лучей
Шепчешь ты про любовь и участие
Не смолкай, говори в ласке речи твоей
Мне звучит беспредельное счастье.
Поэзией фета навеяны следующие стихи, посвященные этому поэту:
Словно говор листвы, словно лепет ручья,
В душу веет прохладю песня твоя;
Все внимал бы, как струйки дрожат и звучат,
Все впивал бы листов и цветов аромат,
Все молчал бы, поникнув, чтоб долго вокруг
Только песни блуждал торжествующий звук,
Чтоб на ласку его, на призыв и привет
Только сердце б томилось и билось в ответ.
При отрицательном взгляде гр. Кутузова на жизнь как на бессмыслицу и на исторический прогресс как на злодеяние, нельзя ожидать найти в его поэзии так называемых гражданских мотивов. По счастливой непоследовательности, в его сборник попало, однако, одно прекрасное стихотворение, посвященное свободе слова:

Для битвы честной и суровой
С неправдой, злобою и тьмой
Мне бог дал мысль, мне бог дал слово,
Свой мощный стяг, свой меч святой.
Я их принял из божьей длани,
Как жизни дар, как солнца свет
И пусть в пылу на поле брани

95

Нарушу я любви завет,
Пусть, правый путь во тьме теряя,
Я грех свершу, как блудный сын,
Господен суд не упреждая,
Да не коснется власть земная
Того, в чем властен бог един!
Да, - наложить на разум цепи
И слово может умертвить
Лишь тот, кто властен вихрю в степи
И грому в небе запретить!

Это стихотворение и по мысли, и по тону, и по фактуре весьма напоминает некоторые лирические пьесы гр. А. Толстого, а также одно место в его поэме "Иоанн Дамаскин", которое начинается стихами:

Над вольной мыслью богу не угодны
Насилие и гнет,
Она - в душе рожденная свободно
В оковах не умрет{20}

Прямое ли это подражание или невольное совпадение, оно несколько не уменьшает внутреннего достоинства этих стихов гр. Кутузова. Кажется, я указал в сборнике нашего поэта все, что ограничивает мое суждение об основном характере его поэзии, но должен признаться, что и в мелких лирических стихотворениях его гораздо больше таких, которые подтверждают это мое суждение, т. е. выражают то самое буддийское настроение, последнее слово которого сказано в поэме "Рассвет". Вот уже с самого начала:

Тайный полет за мгновеньем мгновенья,

Взор неподвижный на счастье далекое,
Много сомнения, много терпения,
Вот она, ночь моя, ночь одинокая!
В стихотворении "Поэту", автор, перечисливши все, чем красна человеческая жизнь, заключает так:

Но сон тот мчится прочь, сверкнув во тьме улыбкой,
И я прощаюсь с мгновенною ошибкой,
Вновь одиночеством и холодом объят.

Я знаю, не прервет бесстрастного раздумья
Ни лепет в тишине бегущего ручья,
Ни радостный порыв счастливого безумья,
Ни поцелуй любви, ни песня соловья.

Автор постоянно возвращается к этому мотиву безнадежного разочарования:
96

любясь красотой,
По сторонам бесстрастно взор блуждает,
И счастлив он окрестной пустотой,
И ничего от тьмы не ожидает.

Безлюдье, тишь, спокойствие и лень,
Таинственный полет полночной птицы,
Вдали сквозь туч безгромные зарницы,
В природе и в душе ночная тень.

Разочаровавшись в красоте внешней и внутренней, автор, естественно, теряет веру и в свое собственное поэтическое призвание:

Отчего ж ты обманула, буря,
Обернулась в серое ненастье,
И стою я, голову понуря,
О мелькнувшем поминая счастье.
Что ты, ветер, плачешь и гуляешь,
Словно пьяный в божье воскресенье,
Не по мне ль поминки ты справляешь,
Не мое ль хоронишь вдохновение!

При мирозерцании автора для вдохновения нет предмета:

Зачем кипит в груди негодование,
Зачем глаза горючих слез полны,
Когда уста на мертвое молчанье,
Когда мечты на смерть обречены!
Зачем в крови струится жизни сила,
Когда вовек ей не стяжать побед,
Зачем ладья, когда в ней нет ветрила,
Зачем вопрос, когда ответа нет!..

Во внешней природе гр. Кутузов вдохновляется главным образом теми сторонами, которые отвечают его общему мрачному настроению. В этой области он в особенности певец ночи, как в мире человеческом он воспевает смерть. Вот одно из многих ночных стихотворений гр. Кутузова:

Глаз бессонных не смыкая,
Я внимал, как сердце ныло,
Как, всю ночь не умолкая,
Вьюги стон звучал уныло,
Как с тревогою участья
Ночь в окно ко мне стучалась,
Как душа с обманом счастья
И боролась, и прощалась.

Временная ночь привлекательна для нашего поэта, потому что она напоминает ему вечную ночь могилы:

Гаснет дух, слабеют силы,
Жизнь ненастья холодней,
Уж не краше ль ночь могилы
Этих мрака полных дней?

97

Прямому культу смерти, кроме "Рассвета", посвящено и несколько лирических стихотворений, из которых приведу одно – "Встреча Нового года":

Вином наполнены бокалы,
Смолкают речи, полночь бьет,
И вот как с пальмы лист увялый
Отпал прожитый, старый год.
На миг перед живым учаством
Смирилась власть враждебной тьмы,
И с новым годом, с новым счастьем
Поздравили друг друга мы.
Но мне какой-то голос странный

Вдруг прошептал привет иной,
Привет таинственный, неожиданный,
Неслыханный дотоле мной.
И я взглянул:— в красе бесстрастной,
Сверкая вечной белизной,
Издалека, с улыбкой ясной,
Мне Смерть кивала головой.
Поклоняясь смерти, гр. Кутузов иногда по старой памяти христианских слов
говорит о ней, как о переходе к иной, высшей форме бытия, но большею
частью, верный своему общему буддийскому мирозерцанию, он видит в ней
безусловный конец всякого бытия, сон без сновидений и без пробуждения:
Надо мной раскинешь ты свой полог,
Полог тот, как ночь, широк и чуден,
Я усну, и будет сон мой долог.
Будет долог, тих и непробуден.
Придя к обоготворению смерти, почему же, однако, гр. Кутузов продолжает
жить?

Единственно только по малодушию,— отвечает он сам в стихотворении:
"Свиданье со смертью", весьма напоминающем известную басню: "Крестьянин и
смерть" {21}:

Она ко мне пришла и постучалась в дверь,
И я узнал тот стук, но с холодом испуга
"О, знаю,— я сказал,— я звал тебя, как друга,
И не страшусь тебя — приди, но не теперь".
Смерть оказывается очень покладистой:
и дверь приотворив,
Она кивнула мне с упреком головою,
И было много так печали и любви
В слетевшем с уст ее участливом: "живи!"

98

XI

Если не ошибаюсь, стихотворения гр. Кутузова, несмотря на заслуженную
известность автора, не подвергались еще обстоятельной критике; а потому я
считаю не лишним дополнить свой разбор несколькими замечаниями касательно
формы и внешней технической стороны. Стих нашего поэта, вообще ясный и
простой, свободный и изящный, лишен большею частью сжатой, сосредоточенной
силы и широкого размаха. Это, конечно, недостаток едва ли устранимый, да в
настоящую эпоху, пожалуй, приходится считать его достоинством. Во всяком
случае самое слабое и расплывчатое стихотворение нашего автора имеет
гораздо более общего с истинною поэзией, нежели такое, например,
размашистое произведение новейшего декадентства:

Как ужасно воют черные собаки
На дворе сегодня! Как ненастна ночь!

Как тревожна ночь и как ужасна мука!
Но безмолвен я, лишь ропщет темнота
И, окаменевши, не рождает звука,
От рыданий грудь, от жалобы уста.
Догорая, гаснут трепетные свечи
Ночь повита крепом, мысль как ночь темна..{22}

Хотя, кроме последнего, совершенно справедливого заявления, все прочее
здесь представляет лишь продукт смешения двух различных понятий: поэзии и
чепухи, с заменой первого вторым,— однако такое стихотворение не есть ныне
что-нибудь исключительное, а представляет целый род литературы, который все
более и более становится господствующим у нас, как и во Франции. Гр.
кутузов совершенно уберегся от указанного смешения понятий, что составляет
его несомненную заслугу. Но если лирическое одушевление, чтобы оставаться в
пределах поэзии, никогда не должно переходить в бессвязный бред, то, с
другой стороны, трезвость и ясность мысли никак не должна доходить у поэта
до прозаизмов. В этот грех случается иногда впадать нашему автору. Так,
напр., он сообщает нам (в стихотворении на открытие памятника Пушкину), что
русский народ вспомнил,
Что у него великий есть поэт,
И захотел он вновь перед собою
Его могучий образ воскресить,
99

Почтить певца бессмертною хвалою,
Его вознестъ высоко над толпою
И памятник ему соорудить.

Последнее сведение было бы лишним даже в прозе, а в стихах и подавно. Тут

же говорится, что
Красы, добра и правды идеалы
Блеснули вновь, как утра чистый свет.
Такая полнота отвлеченных подлежащих допустима только в прозе. Чистейшею
прозою начинается послание к А. Н. Майкову по случаю получения им
пушкинской премии:
Учитель дорогой! С сердечною отрадой
Тебя приветствую. – Ко мне примчалась весть:
"два мира" почтены достойною наградой,
И славный их певец принял хвалу и честь.
Другого рода прозаичностью поражают следующие стихи, касающиеся
русско-турецкой войны:
И ночь тиха была, и месяц, беспристрастно
На праведных и злых взирая с высоты,
"Не полно ль убивать друг друга вам напрасно?"
Шептал с улыбкою добра и красоты.
Беспристрастие месяца к воюющим сторонам есть вообще антропоморфизм
довольно прозаичный, а в настоящем случае и неуместный; ибо если уж дело
пошло на олицетворения, то месяц, очевидно, должен быть пристрастным к
туркам. Прозаичны и самые слова, которые поэт заставляет его "шептать", и
особым комичным прозаизмом отличается последний стих вследствие нескладного
и ничем не оправданного соединения таких широких отвлеченных понятий, как
добро и красота, с таким тесным представлением, как улыбка, да еще на лице
месяца. Лунная улыбка "добра и красоты" – здесь даже странным образом
прозаическая сухость граничит с декадентскою нелепостью. Напрасно автор
напечатал это стихотворение, которое есть лишь весьма неудачное подражание
заключительным стихам лермонтовского "Валерика".
Такой же прозаизм представляет следующая строфа в стихотворении "Последним
заревом горит закат багряный":
И ничего кругом на мысль ту не ответит,
И будет одинок тот луч в окрестном сне,
Звезда небесная, быть может, лишь заметит
И прослезится в вышине.

100

Конечно, поэт имеет неотъемлемое право заставлять плакать кого и что
угодно, – однако под неперменным условием показать нам эти слезы. Если он,
например, назовет падучие звезды огненными слезами неба, то мы видим, о чем
он говорит; но если он ограничится голословным утверждением мнимого факта,
будто звезда или какая-нибудь другая вещь прослезилась, то мы, во-первых,
ему не поверим, а во-вторых, удивимся, зачем ему понадобилась такая совсем
не интересная и нисколько не поэтичная напраслина.
Попадают у нашего автора и технические промахи, вследствие которых стих в
чтении производит впечатление прозы, как, например:
Вы, светлых глаз безумные творцы,
Откинувшие бранные одежды
Последний стих есть проза, точно так же как и последний из следующих трех:
Замкнулися уста, погасли очи,
Горевшие впотьмах духовной ночи,
Как мысли путеводные огни.

Далее:

Его красе нетленной поклониться,
Как свету возвратившейся весны
Подчеркнутый стих прозрачен и по бледности образа, и по самой структуре.
Еще худший грех случился в "Рассвете", где автор забыл непреложный закон о
цезуре при шестистопном ямбе, вследствие чего явился такой невозможный
стих:

Когда к потерянному чувству нет возврата

Едва ли кто станет спорить против того, что славянские формы: злато, вран и
т. д., вместо: золото, ворон – должны быть изгнаны из современного стиха.
Особенно неуместны они вблизи слов вульгарных, пример чего находим у гр.

Кутузова. Сказавши, что смерть
Приплясывает с радости, смеется
И хищников сзывает на обед,
он продолжает:
И стаями отвсюду мчатся враны.

101

Эти враны необходимы только затем, чтобы рифмовать с Балканы рифма хотя
недурная, но и не настолько богатая, чтобы для нее стоило чем-нибудь
жертвовать. Рифмы вообще составляют слабую сторону в стихах нашего поэта.
Действительно богатых, неожиданных нет почти вовсе; избитых и слабых,
вроде: любовь – кровь, ясен – прекрасен – очень много, а немало и совсем

Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии filosoff.org
предосудительных. Иногда – никогда, кров – покров, пришла прошла, томной – темной – после таких рифм остается рифмовать: смелый не смелый, фунта – полфунта; сюда же принадлежит излюбленная гр. Кутузовым рифма счастья – участия; раз согрешить такую жалкою рифмою еще можно, но повторять ее многократно – не годится. Нельзя одобрить: смерть твердь, мощь – дождь, язык – миг; сознал я – залился есть рифма мнимая, ибо слог ся произносится в действительности как са; наконец, ободрясь и тарантас почти так же мало похоже на рифму, как перекрестясь и Стасов.
Я знаю, что нет у нас поэта безгрешного по части рифм, но если бы такой факт и составлял право, то во всяком случае гр. Кутузов злоупотребляет этим правом; я насчитал у него более трехсот пар неправильных рифм, – для двух маленьких томов это слишком много! И тем более это странно, что в своих критических отзывах о некоторых поэтах он ставит безупречность рифмы как неизбежное условие для достоинства стихотворения. Я не совсем разделяю такую строгость в смысле эстетическом, но зато с точки зрения этической не подлежит никакому сомнению, что писатель непременно должен исполнять сам те требования, которые он предъявляет своим собратьям: имже бо судом судите XII

Разобрав так подробно сочинения гр. Кутузова и приведя – наряду с несколькими плохими – так много истинно прекрасных стихов, я хотел, между прочим, показать и оправдать высокое мнение, которое я имею о поэтическом таланте этого писателя. Этим объясняется и резкость моей критики: кому много дано, с того много и взыщется. Обличение стихотворцев бездарных, – если кому есть охота этим заниматься, – имеет в виду только благо читателей, предохранение их от неприятного чтения. Такой филантропической цели не может быть при указании недостатков

102
и промахов поэта столь талантливому, как гр. Кутузов. Но здесь зато критика может иметь отчасти в виду пользу самого критикуемого автора. Бездарного стихоплета исправит только могила, но талантливый поэт может до некоторой степени быть исправлен и критикою, – разумеется, если он свободен от мелкого самолюбия и тупого самодовольства. Почтенный автор "Рассвета", конечно, выше такой ограниченности. Как бы, впрочем, он ни отнесся к тем или другим моим замечаниям – одного он во всяком случае не может отвергнуть, так как оно не есть мое мнение или вывод, а прямое указание на факт его собственного опыта – разумею тот факт, что основное настроение, вдохновлявшее его поэзию, достигнув своего крайнего выражения в апофеозе смерти, тем самым исчерпало все свое содержание, перестало быть источником новых вдохновений, и муза его преждевременно, в самом цветущем возрасте захирела, и вот уже двенадцать лет напоминает о себе лишь редкими отзвуками былого. Поэт не может отрицать той очевидной истины, что в прежнем направлении, на почве настроения, породившего "Рассвет", ему больше сказать нечего. Если бы он тем не менее продолжал как ни в чем не бывало сочинять в изобилии искусственные стихи, лишённые искренности и вдохновения, то нам пришлось бы признать дело его безнадежным. Но к чести для себя и к утешению для нас, гр. Кутузов не насилует, вообще говоря, своего таланта и не кривит душою. Высказав с убеждением, что "прекрасен жизни бред", но что действительно хороша только смерть, – взгляд, после которого остается только умереть, а отнюдь не писать стихи, наш поэт хотя, слава богу, не решается на первое, однако воздерживается и от второго. Так как ему нечего больше сказать, то он молчит. Такое положение достойно, симпатично и позволяет надеяться, что для поэта есть еще будущее, что творческий дар его еще может возродиться. Из собственного многолетнего опыта поэт должен сделать вывод, что его прежнее настроение, будучи бесплодным, не может быть истинным. А отсюда для него должна явиться нравственная необходимость перейти от отрицательного языческого взгляда к положительному, христианскому – принять мыслью, чувством и делом ту истину, которую на словах ему уже случалось изредка исповедовать. Для искренней перемены в этом смысле есть, конечно, огромное препятствие, поскольку господствующее настроение писателя связано с самою его натурой. Однако человек вообще, а человек духовно одаренный тем более не есть только продукт природы, но также разум, определяющий

103
ся силою истины. К тому же эта истина не исключает никакого естественного настроения, а лишь вводит каждое в его законные пределы. В частности, пессимизм, как я раньше сказал, имеет, при правильном применении, свою относительную истину; лишь бы только он не претендовал быть последним, решающим словом, лишь бы только он не переходил в культ смерти и в проповедь бездушия.

Я не хочу допустить, чтобы внушения эгоистического безучастия и мертвой косности действительно заглушили в душе нашего поэта голос лучшего сознания, говорящий о солидарности всех и о том, что жизнь имеет

Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии filosoff.org
положительный смысл в свободном движении к совершенной правде, с верою в ее окончательное торжество. Наш поэт не решится противоречить этому лучшему сознанию на словах, – отчего же он не проникнется им на деле? Я не теряю надежды, что последние двенадцать лет были для него пустыми и бесплодными лишь в смысле видимых обнаружений творчества, но что они не прошли напрасно для его внутренней душевной работы и что он перейдет, наконец, от религии смерти к религии воскресения; это было бы началом воскресения и для его поэтической деятельности.

104

КОММЕНТАРИИ: БУДДИЙСКОЕ НАСТРОЕНИЕ В ПОЭЗИИ

Впервые напечатана в "Вестнике Европы", 1894, No 5, с. 329–346; No 6, с. 687–708.

Статья как бы начинает цикл литературно-критических работ о русских поэтах, над которым Вл. Соловьев работал до конца жизни. Творчество графа А. А. Голенищева-Кутузова было интересно для критика возможностью проследить те изменения, что, при внешнем следовании пушкинской традиции, происходили в русской поэзии конца XIX в. и, как полагал Соловьев, означали отход от основных принципов христианской морали. Соловьев хорошо знал Голенищева-Кутузова, но их отношения не отли

389

чались ровностью. В июле 1893 г. он сообщал брату Михаилу: "Я возобновил дружеские отношения с Кутузовым, которые были прерваны четыре года тому назад" (Письма, 4, 127). Мировоззрение Голенищева-Кутузова, эпигона дворянской усадебной культуры, едва ли имело ту цельность, которую находил в нем Соловьев. Главный мотив его поэзии – тоска по идеализированному дворянскому прошлому. Достаточно распространенные в русской культуре пореформенного времени, эти настроения никак не могут быть отнесены к нехристианским. Как поэт Соловьев ставил Голенищева-Кутузова достаточно высоко и не без доли иронии признавал его превосходство над собою: "мне приходится в голову: философично ли я поступаю, предлагая публике свои стихотворные бусы, когда существуют у нас: алмазы Пушкина, жемчуг Тютчева бирюза Голенищева-Кутузова" (Письма, 1, 226). Следует отметить, что литературно-эстетические требования, предъявляемые критиком к поэзии Голенищева-Кутузова, превышали творческие возможности поэта, второстепенного и не пользовавшегося известностью у читающей публики. Последнее обстоятельство отчасти объясняет пространные выписки, которые делал Соловьев.

{1} Употребляя слово "буддизм" и придавая ему несколько сниженно-ироническое звучание, Соловьев имеет в виду лишь один из аспектов буддийского мировоззрения: стремление к смерти как к торжеству над жизнью. Для Соловьева "буддийское настроение" противоположно христианскому началу.

{2} Соловьев рецензирует и цитирует издание 1894 г. Предыдущие издания: Стихотворения графа А. А. Голенищева-Кутузова. СПб., 1884. 256 с.: Стихотворения графа А. А. Голенищева-Кутузова. 1880–1890. 76 с. Б. м. и г. (Отд. отт. из журнала "Русский вестник", 1891, No 4).

{3} Из стихотворения А. С. Пушкина "Перед гробницею святой" (1831), посвященного памяти полководца М. И. Кутузова (правильнее Голенищева-Кутузова). У Пушкина:

сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

Соловьев обыгрывает принадлежность поэта к знаменитому роду.

{4} А. С. Пушкин, Евгений Онегин, гл. вторая, строфа I.

{5} Шакъямуни – одно из имен основателя буддизма, индийского царевича Гаутамы, который в поисках истины стал Буддой – Просветленным.

{6} Здесь и далее Соловьев цитирует поэму А. А. Голенищева-Кутузова "Старые речи" (1879).

{7} А. С. Пушкин, Евгений Онегин, глава восьмая, строфа XLVII. Неточная цитата.

{8} А. А. Голенищев-Кутузов, Сказка ночи (1880).

{9} Здесь и далее Соловьев цитирует поэму "Дед простил" (1881).

{10} Поэма "Рассвет", разбираемая ниже, была написана в 1882 г.

390

{11} Моисей – библейский пророк и законодатель, составитель "Пятикнижия". Десять заповедей (Десятословие) Моисея, сказанные им израильскому народу у горы Синай (Исх. 20, 1–17), легли в основу христианской нравственности.

{12} Авторская датировка поэмы "В тумане" – 1883 г.

{13} Стихотворение "Гашиш" написано в 1875 г.

{14} Небольшая поэма "Старики" была написана в конце 1877 г.

{15} Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна – герои повести Н. В. Гоголя "Старосветские помещики" (1835).

{16} Турецкая крепость Плевна была взята русскими войсками 28 ноября (10

Соловьев В. Буддийское настроение в поэзии filosoff.org
 декабря) 1877 г.
 {17} Баллада "Смерть Святополка" написана в 1878 г. Ее герой, князь киевский и туровский Святополк Окаянный (ок. 980–1019), совершил, согласно летописному преданию, страшные злодеяния (убийство братьев, измена, клятвопреступления). Сомнения Соловьева неосновательны: в начале XI в. в Моравии вполне мог действовать монах греко-восточной (православной) церкви.
 {18} Сказка "Лес" является поэтическим переложением одноименной новеллы А. Доде.
 {19} Стихотворения "Прошумели весенние воды", "Снилось мне утро лазурное, чистое", "Не смолкай, говори", "Для битвы честной и суровой" и др., цитируемые далее Соловьевым, в Собрании сочинений Голе-нищева-Кутузова не датируются.
 {20} А. К. Толстой, "Иоанн дамаскин" (1858). Здесь, как и во многих других случаях, Вл. Соловьев пренебрегает авторской пунктуацией. В дальнейшем подобные моменты специально не оговариваются.
 {21} Басня И. А. Крылова "Крестьянин и смерть" (1808).
 {22} Из стихотворения К. М. Фофанова "В тяжелую ночь".
 391

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!